

**Отзыв официального оппонента о диссертации
РОСТОВЦЕВОЙ ЮЛИИ АЛЕКСАНДРОВНЫ
«Рецепция законодательных текстов
в русской литературной утопии XVIII века»,
представленную на соискание ученой степени кандидата
филологических наук по специальности 10.01.01 – русская литература**

Диссертация, представленная к защите, может быть отнесена к категории научных исследований, когда с первых страниц ясно, что демонстрируются научно-обоснованные, сформировавшиеся научные взгляды и позиция ученого. На сравнительно небольшом текстовом пространстве, не перегруженном различного рода «этикетными реверансами», Ю. А. Ростовцева уже в вводной части диссертации дает возможность увидеть собственную оригинальную научную концепцию осмысления выбранной проблемы.

Наряду с традиционными для жанра введения моментами (освещение степени изученности проблемы, постановка цели, задач, определения предмета и объекта исследования и т.д.), автор диссертации уже здесь предельно четко высказывает свое видение и понимание поставленного вопроса. Как профессиональный ученый Ю. А. Ростовцева дает в лаконичной, но абсолютно исчерпывающей форме историю изучения проблемы в отечественной науке и находит тот аспект, который еще не был развернуто представлен в традиции. Уникальность ее исследования определена однозначно и безоговорочно: рассмотреть литературную природу утопических сочинений XVIII века в неразрывной связи с документальными законодательными памятниками эпохи, показать их взаимовлияние. Данный подход, несомненно, важен, поскольку дает возможность дополнить историю русской литературы XVIII века новыми фактами, тем самым расширяя представления об эволюции как отечественной словесности, так и отдельного ее метажанра – утопии.

Высокой оценки заслуживает выбранный для изучения материал, который представлен не только опубликованными литературными

произведениями, законодательными актами, но и находящимися до сих пор в рукописных архивах. С этой позиции диссертация приобретает особую ценность, поскольку дает возможность познакомиться с редким материалом и оценить Ю. А. Ростовцеву как ученого-текстолога, для которого важным является не тиражирование уже известных констант, а введение новых, до сих пор не изученных источников. Это, безусловно, большая заслуга автора диссертации.

В связи с этим возникает и первый вопрос: планируется ли в перспективе автором диссертации издание рукописных источников, что существенно расширит аудиторию читателей и специалистов? Пока же, несмотря на детальное рассмотрение автором исследования, например, сочинения того же И. И. Тревогина (Тревоги), оно остается фактически за пределами рефлексии специалистов.

Абсолютным достоинством диссертации, ее вводной части, в частности, является не только детальный историко-литературный контекст, но и глубокое обоснование выбранной методологии исследования. И здесь Ю. А. Ростовцева проявляет себя как теоретик литературы, вводя в работу новое понятие – «*дисномия*». Создание собственной теоретической модели на основе анализа конкретных памятников словесности времени – это и есть отличное свидетельство профессионализма соискателя и ценности его диссертации.

В итоге, расставив во введении основные акценты исследования, аргументировано сформулировав цели, задачи диссертации, грамотно подойдя к отбору материала, Ю. А. Ростовцева в последующих трех главах своего сочинения доказывает предложенную ей концепцию развития метажанра утопии в русской литературе XVIII века.

Первая глава диссертации «**Природа утопического метажанра**» раскрывает историю самого понятия, уточняет жанровую природу утопии. Ю. А. Ростовцева, обладая обширной базой теоретических и историко-литературных знаний в области поэтики литературной утопии, высказывает

ряд важных замечаний в рассмотрении проблемы зарождения и эволюции жанра в русской литературе. При этом диссертант, подробно излагая существующие подходы в изучении природы жанра утопии (как европейских, так и отечественных ученых), высказывает существенные и объективные критические замечания по поводу ряда существующих концепций.

Если у предшественников исследователя возникали сложности в определении границ понятий «утопизм» и «утопия» (Л. Геллер, М. Нике), то Ю. А. Ростовцева не только предлагает четкое разделение двух смежных терминов, но и доказывает применительно к русской литературной утопии употребление терминологического понятия «метажанр». Метажанровость отечественной утопии называется, кроме того, главным отличием ее от утопии западной. Диссертант убедительно показывает, что в русской литературе утопия носит «фрагментарный» характер и практически никогда не тождественна отдельному литературному тексту.

Ю. А. Ростовцева оспаривает утверждение Б. Ф. Егорова, который видит истоки утопии применительно к русской литературе в ее средневековом периоде. Автор диссертации абсолютно права в своем тезисе: искать истоки метажанра там, где его нет и быть не может, – ошибочное направление в изучении проблемы. «Первой задачей историка русской утопии является правильный выбор текста, который следует считать основой метажанра, его архетипом. Можно искать утопии в средневековой книжности, в литературе петровской поры, однако решающее значение в отборе произведений играет их типологическое сходство с первоисточником – романом Томаса Мора. Доказывать, что данный текст является первым образцом метажанра, нет необходимости» (С. 26). Как не были велики соблазны вписать древнерусскую книжность (агиографию, например) в контекст утопической литературной традиции, кропотливый анализ показал, что для этого нет должных оснований.

Автор диссертации, не углубляясь в рассмотрение природы средневекового текста, дает понять, что утопия как метажанр могла появиться в русской литературе только в тот период, когда процесс европеизации русской культуры был уже необратим, когда традиции европейской культуры начали во многом определять государственное и частное мироустройство. Средневековый же текст не может быть вписан в традицию утопической литературы хотя бы потому, что он представляет совершенно иное мировосприятие и миропредставление, в его основе идея теоцентризма. Авторская же воля могла активно реализовываться в тексте лишь в переходный период: вторая половина XVII – первая треть XVIII века.

Во второй главе диссертации **«Русская литературная утопия и законодательство Елизаветы Петровны»** обоснован факт появления авторских утопических сочинений в России в ту историческую эпоху, когда для этого возникли исторические предпосылки. «Утопии в России появляются в эпоху Просвещения. В первую половину XVIII века это по преимуществу переводные произведения. ... Первая литературная утопия появилась в царствование Елизаветы Петровны» (С. 53). Причиной появления первого утопического сочинения, принадлежащего перу А. П. Сумарокова «Сон. Счастливое общество» (1759), как доказывается в диссертации, являются убеждения самого писателя, не совпадавшие с позицией императрицы в вопросах основ, обеспечивающих гражданскому обществу стабильность и законопослушность. Привлекая оду для сопоставительного анализа, Ю. А. Ростовцева показывает, что правление Елизаветы не вызывало писательских восторгов. «Как только умирает Елизавета, “Сумароков и его друзья немедленно обращаются к торжественной оде”».

Именно в этом разделе диссертации ее автор как раз и демонстрирует ту разновидность утопии, которая в начале работы была определена как *«дисномия»*, заключающая в себе отрицательную оценку современного автору законодательства. Мерилом же возможного идеального утопического

мира для А. П. Сумарокова является эпоха Петра. Основываясь на законодательном акте об отмене смертной казни, инициатором которого была Елизавета, Сумароков утверждает, что законотворческие действия императрицы несут не благо для государства, а совсем противоположные последствия: подданные теряют страх перед монархом как основу его величия и спокойствия в самом государстве. Именно эта тема, как показывает Ю. А. Ростовцева, получает свое развитие в одах Сумарокова 1755, 1759 годов, а также и в утопии «Сон. Счастливое общество».

Во всех проанализированных произведениях Ю. А. Ростовцева определяет общий художественный прием, на котором Сумароков выстраивает тексты. Это прием антитезы, противопоставление образов Петра и Елизаветы, один из которых символизирует основу счастья и славы, другой должен стремиться к воплощению этого идеала в своем правлении. И здесь возникает вопрос: насколько этот подход А. П. Сумарокова можно считать индивидуально авторским? Как известно, классицистическая концепция творчества предполагала изображение не конкретных образов, а описание идей, которые должны найти свое воплощение в поступках, деяниях исторических персонажей. Литературный текст в этом случае представлялся не как таковое художественное произведение, а как «то положительное воздействие на материальную реальность, к которому писатель стремился, преследуя основную цель своего творчества: совершенствование и исправление человеческой нравственности и приведение к разумной идеальной норме законов государственного устройства» (О. Б. Лебедева). В чем тогда заключается принципиальное отличие А. П. Сумарокова как литературного практика в этом виде словесного творчества от современников-классицистов (например, В. К. Тредиаковского, М. В. Ломоносова)?

Третья глава «Русская литературная утопия и законодательство Екатерины Второй» по всем формальным и содержательным признакам предстает центральной в диссертации. Предметом исследования главы

является восемь произведений, ранее широко не изучавшихся в науке, некоторые из которых известны только узкому кругу специалистов. Данный факт придает научную и культурологическую ценность диссертационному исследованию. Благодаря такому широкому охвату создается фактически литературный атлас утопического мира, созданного Русским Просвещением.

Глава насыщена новыми идеями, некоторые из которых дискуссионны. Ю. А. Ростовцевой выбран для исследования интересный материал, объединенный образом императрицы Екатерины II. Сам по себе исторический персонаж во многом мифологизирован благодаря не только творчеству литераторов эпохи, но и представителей смежных видов искусств, например, живописи. Первая ассоциация, связанная с образом императрицы, – ее знаменитый портрет кисти Дмитрия Левицкого «Екатерина II – Законодательница в храме богини правосудия» (1783). Эмблемы и символы, которые вписаны в сюжет аллегорического полотна, как нельзя точно воссоздают образ государыни, вершащей правосудие и призывающей подданных к соблюдению законов. Сам по себе портрет прочитывается как наказ императрице, как размышление автора об идеальном мироустройстве. Интересно здесь то, что сохранилось собственное толкование автора своей работы, и оно органично могло быть вписано в контекст представленного диссертационного исследования.

Правление Екатерины II, как известно, было самое длительное и бурное. За 34 года пребывания на российском престоле императрица прошла путь от либеральных законодательных реформ до установления жесткой цензуры, ограничения свободы слова, проведения репрессий по отношению к оппозиционно настроенному дворянству. Вполне понятно, что за треть века взгляды Екатерины как политического деятеля не могли не меняться. Их изменение, соответственно, зафиксированы в государственных актах и книжных памятниках, принадлежащих перу не только самой императрицы, но и различных представителей эпохи Просвещения. Под влиянием смены мировоззренческих идей в свою очередь происходила и эволюция

представлений об обустройстве идеального государства. Восемь параграфов третьей главы диссертации Ю. А. Ростовцевой последовательно на примере отдельных сочинений демонстрируют происходившие политические разногласия, философские споры в обществе, нашедшие отражение в соответствующей литературе.

Так, Ф. А. Эмин, импонируя законотворческой деятельности Екатерины, только что вступившей на российский престол, пишет роман «Приключения Фемистокла...» (1763), который автор диссертации по комплексу мотивов, составляющих сюжетную основу текста, атрибутирует как «эвтопию». Исследователю удается убедительно оспорить тезис американского слависта С. Л. Бэра о том, что «Приключения Фемистокла» являются сатирическим произведением. Ю. А. Ростовцева устанавливает, что роман может находиться в прямой зависимости от манифеста Екатерины (1763), которым она признает взяточничество уголовно наказуемым преступлением. Ф. А. Эмин тем самым в свойственной для литературной традиции XVIII века порочному настоящему (сатира) противопоставляет идеальный мир (панегирик), с которым ассоциируется законотворческая деятельность Екатерины.

Тема законотворчества Екатерины, которое создает условия для идеального (утопического) мироустройства, продолжена М. М. Херасковым, что обстоятельно показано в двух последующих параграфах третьей главы диссертации. «Нума Помпилий, или Процветающий Рим» (1768) и «Полидор, сын Кадма и Гармонии» (1794) – два романа М. М. Хераскова, которые рассмотрены автором диссертации в преломлении через законодательные акты («Большой наказ императрицы»), тексты входят в состав трилогии, представляя собой две противоположные разновидности утопии: «утопию панегирическую» и «утопию критическую» (с. 104).

Ю. А. Ростовцева впервые в рамках диссертационного исследования делает подробный литературоведческий анализ романного наследия М. М. Хераскова. Прекрасно известно, что 60–70 годы XVIII века явились

бурными как в истории политической, так и духовной жизни России. Именно в эти десятилетия в русской словесности намечается кризис классицизма, на первые позиции выходит проза, представленная яркой палитрой повествовательных жанров. Творчество Ф. А. Эмина, М. М. Хераскова как литераторов, обратившихся к жанру романа и активно осваивавших его разновидности, в этом случае показательны. В связи с этим зададим вопрос: насколько традиция романа-утопии была органична для каждого из них? Было ли это одномоментное обращение к теме, вызванное определенными настроениями общественной жизни в России третьей трети XVIII века, или же обоих можно считать основоположниками утопической повествовательной традиции в русской словесности в целом?

Не менее интересным предстает анализ образа утопического мира, созданного в «Путешествии в землю Офирскую» М. М. Щербатова. Автор диссертации анализирует хронотоп романа, проводит текстологическое исследование на предмет взаимосвязи сочинения с государственными актами и педагогическими трактатами эпохи Екатерины, проводя тонкие контекстуальные параллели.

Уникальный материал представлен в параграфе «Утопический проект И. И. Тревогина и законы Екатерины Второй в области образования». Подробно описав историографию вопроса, автор диссертации предлагает совершенно новый ракурс исследования творчества малоизвестного утописта – это изучение его педагогических проектов в контексте образовательных законов Екатерины II. Проведя указанную параллель, Ю. А. Ростовцева приходит к выводу о том, что импульсом для создания утопических проектов Тревогина послужил указ об учреждении Российской академии наук.

Другой утопист XVIII века, творчеству которого уделяется значительное внимание в диссертационном исследовании – В. А. Левшин. Не противореча взглядам на «Новейшее путешествие» как утопию масонскую, Ю. А. Ростовцева, тем не менее, предлагает иной ракурс анализа – рассматривать произведение в контексте «Большого наказа императрицы» и

других законодательных сочинений эпохи. Обнаружив множество цитат и аллюзий в утопическом тексте, автор диссертации приходит к выводу об их сатирической направленности, применяя термин «дисномия» для жанрового определения описываемого произведения.

В целом, каждый параграф третьей главы все больше убеждает в профессионализме проведенного исследования, его завершенности в рамках тех задач, которые были поставлены изначально. Не детализируя в дальнейшем свой отзыв, зададим общий вопрос, имеющей отношение как к отдельно взятой третьей главе, так и ко всей работе в целом. Как известно, XVIII век в России сформировал особое отношение к художественному слову, пониманию его роли в организации государственного миропорядка. В свое время значимость Слова в общественном устройстве прекрасно определил Ю. М. Лотман: «...здесь [в России] текст должен был генерировать быт. Этот принцип вообще очень существенен для литературы XVIII века, она становится образцом для жизни, по романам и элегиям учатся чувствовать, по трагедиям и одам – мыслить». С учетом названного обстоятельства, как можно определить самобытную роль романа-утопии (с его разновидностями, представленными в диссертационном исследовании)? И другой вопрос: насколько велика роль законодательной литературы в формировании повествовательной традиции русской литературы Просвещения?

Подводя итог, отметим, что кандидатская диссертация Ю. А. Ростовцевой представляет безусловную научную ценность, а полученные результаты имеют высокую теоретическую и практическую значимость; могут быть использованы при разработке специальных курсов по истории русской литературы, поэтике, методике литературоведческого анализа. Культурологический фон исследования делает отдельные наблюдения автора диссертации применимыми в курсе русской истории, истории русского права.

Диссертационное исследование соответствует требованиям пп. 9,10,11,13,14 «Положения о присуждении ученых степеней», утвержденного постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 г. № 842, предъявляемым к кандидатским диссертациям, а сам соискатель, безусловно, заслуживает присуждения искомой ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.01.01 «Русская литература».

Шунков Александр Викторович
доктор филологических наук (10.01.01 – «Русская литература»), доцент,
ректор ФГБОУ ВО «Кемеровский государственный институт культуры»,
Адрес: 650056, г. Кемерово, ул. Ворошилова, 17
ФГБОУ ВО «Кемеровский государственный институт культуры»,
Тел.: (3842)73-28-08
E-mail: alexandr_shunkov@mail.ru

07.05.2018

Приемная ректора КемГИК

подпись Шункова А.В.

заверяю «07» 05 2018г.

Секретарь Швабова Я.В.